МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ван Инь

«Грасский дневник» Г.Н. Кузнецовой: проблема становления творческой личности

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2018

Работа выполнена на кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Научный руководитель: **Михайлова Мария Викторовна**
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Михеичева Екатерина Абдул-Маджидовна,**
доктор филологических наук, профессор,
Орловский государственный университет
им. И.С.Тургенева
заведующий кафедрой русской литературы
XX-XXI веков и истории зарубежной литературы

Азаров Юрий Алексеевич,
доктор филологических наук,
Институт Мировой литературы имени А.М.Горького
ведущий научный сотрудник Отдела Новейшей
русской литературы и литературы русского
зарубежья.

Агеносов Владимир Вениаминович,
доктор филологических наук, профессор,
Московский педагогический государственный
университет
профессор кафедры русской литературы и
журналистики 20–21 вв.

Защита состоится «15» февраля 2018 г. в 16:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.10.05 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, филологический факультет.

E-mail: ruslitxx@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на сайте ИАС «ИСТИНА»: https://istina.msu.ru/dissertations/92406023/

Автореферат разослан «___» _____ 2018 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук О. С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Творчество писательниц русской эмиграции в современном литературоведении пока не заняло достойного места, хотя за рубежом оказались и представительницы первой волны, и те, кто начал профессионально работать только в 1920-е годы. Одно только перечисление имен заставляет задуматься о том вкладе, который был внесен писательницами в сохранение сокровищницы русской культуры Зарубежья. Общая характеристика их деятельности и самые общие наблюдения содержатся в исследовании Р. М. Янгирова[1], однако имя Галины Николаевны Кузнецовой (1900-1976) никак не выделено. И это в то время, когда она наиболее близко соприкасалась с выдающимися представителями русской литературной диаспоры, можно сказать, брала уроки у мэтра русской литературы И. А. Бунина и успешно реализовывала их в своем творчестве, в котором огромное значение приобрели ее дневниковые записи, оформленные в итоге в книгу, получившую название «Грасский дневник». В свою очередь дневниковое творчество писательниц русской эмиграции частично становилось предметом изучения[2], но и там особенностям «мировидения» Кузнецовой не уделено достаточного внимания. Кроме того, смущает определение в самом названии указанной диссертации – «второстепенные писатели». Опора на «табель о рангах» при определении достоинств текстов не всегда способствует выявлению научной истины. Поэтому, отвлекаясь от аксиологической оценки созданного Кузнецовой, мы ставим своей целью выявить объективное значение ею созданного в жанре документальной и частично художественной прозы. А самое главное – ответить на вопрос, как происходило формирование ее как писательницы и оригинальной творческой личности.

Степень разработанности темы и актуальность исследования. «Грасский дневник» Кузнецовой по праву считается выдающимся «литературным явлением»

---

[1] *Янгиров Р. М.* Тело и отраженный свет: Заметки об эмигрантской женской прозе и о ненаписанной книге Зинаиды Гиппиус «Женщины и женское» // Новое литературное обозрение. М., 2007. № 86. С. 183-206.

[2] *Кузнецова А. А.* Идейное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции: Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский: дис. … канд. филол. наук. М., 2005. 241 с.

литературы русского зарубежья первой половины XX столетия. Но, как следует из обширной научной-исследовательской литературы, посвященной литературному процессу первой волны русской эмиграции, «Грасский дневник» традиционно рассматривается учеными почти исключительно как мемуарно-хронологическое повествование о жизни Бунина в 1928-1933-х гг. и бытовой и интеллектуальной жизни русской эмиграции во Франции этого времени. Это является едва ли не общим местом многих работ. Однако это лишь один из разнообразных пластов данной книги. И только в последнее время «Грасский дневник» литературоведы начинают рассматривать как самостоятельное по своей значимости произведение дневникового жанра. При этом наблюдения над поэтикой «Грасского дневника» по-прежнему носят разрозненный и эпизодический характер. На сегодняшний день не существует комплексного исследования данной книги. Но даже при первом приближении оказывается, что белых пятен в «Грасском дневнике» гораздо больше, чем исследованного и решенного. Первое научное издание «Грасского дневника», подготовленное О.Р. Демидовой, вышло в свет только в 2009 г.[3] Следовательно, полноценное изучение его только начинается. Определенную трудность представляет недоступность рукописи «Грасского дневника», которая хранится в частном собрании Р. Герра и незнакома исследователям. Поэтому мы не можем судить о степени цензурирования записей, которое, вероятнее всего, осуществила Кузнецова при подготовке рукописи к печати.

Интерес литературоведов на протяжении последних десятилетий к так называемым эго-документам нарастает. Современная гуманитарная наука все чаще обращается к автобиографиям, письмам, воспоминаниям, дневникам и записным книжкам. Без использования данных источников трудно сейчас представить научное исследование. За последние десятилетия появляются все новые и новые издания дневников писателей, ученых.

В современных гуманитарных исследованиях часто используется термин «эго-документ», впервые введенный в научный оборот Ж. Прессером в 1950-е гг. для объединения в одну группу документально-художественных произведений

[3] *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник / Сост., вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. СПб, 2009. 496 с.

различных жанровых форм (автобиографии, мемуары, личные дневники и письма), изучением которых он занимался[4].

Дневники долгое время воспринимались как нечто среднее между бытовой жизнью и искусством. И.Л. Савкина в книге «Разговоры с зеркалом и с зазеркальем: Автодокументальные русские женские тексты первой половины XIX века» пришла к выводу, что дневники как правило вызывали интерес исключительно «бытового значения как свидетельства современника и очевидца о людях, оставивших глубокий след в истории русской культуры»[5]. Считалось, что не нужно быть писателем и знать правила и приемы письма, чтобы вести дневник. И именно дневник часто связывается с женским творчеством, что особенно важно в ракурсе заявленной нами темы. Действительно, понятия автобиографического и женского творчества рано начали пересекаться. Теперь же, обладая гендерной методологией, ученые пришли к выводу, что женские дневники имеют особую природу. Поэтому при изучении женских дневников есть смысл затрагивать и гендерные аспекты, учитывая распространенное по сей день мнение о второстепенности женского творчества в принципе.

Значение и актуальность дневниковой литературы признаны многими исследователями. Об этом свидетельствует большое количество работ, посвященных изучению дневников[6]. В 1990-е и 2000-е годы начинают появляться диссертационные исследования, посвященные как творчеству писателей русского зарубежья и, в частности, их мемуарному наследию, так и работы, анализирующие именно мемуаристику русского зарубежья. В этой связи стоит назвать работы Е.В. Вороновой, А.В. Громовой, О.Р. Демидовой, Н.Н. Козновой,

---

[4] Подробнее см.: *Dekker R.M.* Jacques Presser's heritage. Ego-documents in the study of history // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. 2002. № 5. Pp.13-14.

[5] *Савкина И.Л.* Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М., 2007. С.153.

[6] См.: *Егоров О.Г.* Дневники русских писателей XIX в. М., 2002; *Егоров О.Г.* Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра. М., 2003; *Зализняк А.А.* Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение. М., 2010. № 106. С.162-180; *Кобрин К.Р.* Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. М., 2003. № 61(3). С.288-295; *Колядич Т.М.* Воспоминания писателей: Проблемы поэтики жанра. М., 1998; *Местергази Е.Г.* Документальное начало в литературе XX века. М., 2006; Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX – XX). М., 2007; *Савкина И.Л.* «Пишу себя…». Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001.

А.А. Кузнецовой, И.Л. Сиротиной и др.[7] Серьезный вклад в изучение мемуарной и дневниковой прозы русского зарубежья внес А.Н. Кравцов своей диссертацией «Эго-документы русской эмиграции XX века: на материале публикаций журнала "Возрождение": Париж, 1949-1974» (М., 2016), которая затрагивает не только публикации указанного в названии журнала, но и более широкий пласт литературы.

Современные исследователи сосредоточены на вопросах соотношения правды и вымысла, подвижности границ между документальным произведением и художественным. Многие ученые отмечают общую исповедальную направленность повествовательного дискурса эго-документов русских писателей начала XX века и русской эмиграции, которая выражается во всех формах автобиографических жанров – дневниках, письмах, мемуарах, исповедях. Показателен тот факт, что в начале XX века интимные дневники и письма писались одновременно как художественный текст и документ.

Объектом исследования в диссертации является «Грасский дневник» (1927 – 1934) писателя и мемуариста русского зарубежья Галины Николаевны Кузнецовой (1900 – 1976), ученика и секретаря И.А. Бунина, дневник, который она последовательно вела в 1927-1934 гг., а потом дополнила отрывочными записями последующих лет.

Предмет исследования – структура, жанровые особенности, поэтика «Грасского дневника», образ автора (авторское «я»), соотношение документального и художественного в книге, связи между дневниковым материалом и самостоятельным художественным творчеством Кузнецовой.

Цель диссертационной работы – уточнение места «Грасского дневника» Кузнецовой в ее творческом наследии в целом, выявление его поэтологических особенностей, обусловленных творческой индивидуальностью автора, и рассмотрение данного текста как своеобразной школы литературного мастерства.

---

[7] См.: *Воронова Е.В.* Мифология повседневности в культуре русской эмиграции 1917-1939 гг.: На материале мемуаристики: дисс. ... канд. культурологии. Киров, 2007; *Громова А.В.* Художественно-документальные жанры в литературе русского зарубежья первой волны: курс лекций. М., 2011; *Демидова О.Р.* Эстетика литературного быта русского зарубежья: На документальном материале русской эмиграции 1920-1960 гг.: дисс ... докт. филос. наук. СПб., 2001; *Кознова Н.Н.* Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: Концепции истории и типология форм повествования: дис. … докт. филол. наук. М., 2011; *Сиротина И.Л.* Мемуаристика как источник осмысления менталитета русской интеллигенции: дисс. ... канд. социолог. наук. Саранск, 1995.

В связи с этим потребовалось решение следующих **задач**:

- охарактеризовать образ автора дневника;
- обнаружить скрытые смыслы дневниковых записей, демонстрирующих эволюцию отношения автора к ее литературному и бытовому окружению;
- охарактеризовать «женский ракурс» в подаче проблем и размышлениях на творческие темы;
- уловить в дневнике бунинское влияние и следование урокам мэтра;
- раскрыть результаты «обучения» в школе Бунина, сказавшиеся как в дневниковых записях, так и в создаваемых Кузнецовой в это время художественных текстах.

Методологической и теоретической основой диссертации является комплексный подход, который включает в себя различные методы: биографический, историко-литературный, сравнительно-сопоставительный, структурно-семантический, метод целостного анализа текста, а также гендерные подходы к изучению женского текста. Теоретические принципы данных подходов были сформулированы М.М. Бахтиным, Л.Я. Гинзбург, Ю.М. Лотманом, Ю.Н. Тыняновым. Также мы использовали теоретические разработки Н.К. Гудзия, И.А. Жеребкиной, Н.Н. Козновой, Ф. Лежёна, И.Л. Савкиной, И.О. Шайтанова, К. Эконен и др.

Основным понятием, используемым в настоящей работе, является понятие эго-документа: это обобщающее именование таких документальных жанров, как дневники, записные книжки, письма, автобиографии, заметки, воспоминания и мемуары.

Положения, выносимые на защиту:

1. «Грасский дневник» Кузнецовой вписывается в ряд мемуарной прозы русского зарубежья, в то же время выделяясь из него соотношением в нем документального и художественного с очевидным перевесом в сторону художественного.

2. «Грасский дневник» позволяет определить круг чтения Кузнецовой и тем самым выявить многостороннее влияние литературных произведений на становление ее манеры письма, формирование творческого поведения.

3. Анализ «Грасского дневника» и художественных произведений Кузнецовой демонстрирует влияние эстетических установок Бунина на творческое сознание писательницы, что сказалось на внимании к деталям, к психологии личности, к звукописи, к воплощению лирического начала. Кузнецова-прозаик многое как ученица восприняла от Бунина как учителя (указанные элементы наиболее ярко реализовались в подробно проанализированном в диссертации рассказе «Золотой рог»).

4. Высказывается предположение, что Кузнецова в свою очередь могла оказывать влияние на мэтра (мотивы ее рассказа «Утро» обнаруживаются в бунинской «Часовне», писатель меняет свое отношение к Марии Башкирцевой после очерка Кузнецовой).

5. Личность автора «Грасского дневника», в отличие от мемуаров других авторов, выявляется косвенно. Это свидетельствует о скромности Кузнецовой, ее тактичности, а также о том, что ей свойственно отстраненное наблюдение, объективный взгляд на людей и события. Она стремится зафиксировать свои впечатления, чьи-то высказывания, которые кажутся ей важными, но не оценивать их, не спешит высказывать своего субъективного мнения о них. Однако проникновение за «кулисы» записей позволяет вынести суждение о меняющемся со временем отношении Кузнецовой к Бунину, Вере Николаевне Муромцевой-Буниной и членам «бунинского кружка».

6. Портреты современников Кузнецовой демонстрируют особенности соотношения документального и художественного, объективного и субъективного в ее прозе. То, что она стремится скрыть в дневнике (личное мнение о Бунине и его домашних, свои чувства к Бунину), она выражает в художественных образах своих рассказов, очерков, повестей, где за героями угадываются черты конкретных личностей, происходит развернутый анализ их психологии. Таким образом, дневник Кузнецовой оказывается более художественным текстом, обработанным и

очищенным от всего слишком личного, а проза, напротив, выглядит более документальной, поскольку в ней прочитывается между строк то, что Кузнецова хотела скрыть от посторонних глаз в подготовленном к печати тексте дневнике.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается внутренне мотивированным и целостным охватом творческого наследия Кузнецовой, опорой на обширную научно-исследовательскую базу теоретических и историко-литературных исследований.

Научная новизна исследования заключается в систематизации всего имеющегося научного материала, посвященного «Грасскому дневнику», а также в том, что предложено первое комплексное исследование этого произведения с учетом его связей с художественным творчеством писательницы.

Теоретическая значимость диссертации заключается в уточнении роли и значения автобиографического начала в творческом наследии Кузнецовой и выявлении места «Грасского дневника» как эго-документа в литературе первой волны русского зарубежья.

Практическая значимость работы заключается в расширении представлений об эго-документах русского литературного зарубежья. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении творческого наследия Кузнецовой и русских писательниц первой волны эмиграции, эмигрантского периода жизни и творчества Бунина и его литературного окружения, составлении курсов и семинаров по истории литературы русского зарубежья, женского литературного творчества.

Материалы диссертации прошли **апробацию** при их обсуждении как докладов на научных конференциях (доклад «Образ И.А. Бунина на страницах «Грасского дневника» Г.Н. Кузнецовой» (Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2015». МГУ им. М.В. Ломоносова, 16 апреля 2015 г., Москва), доклад «Творческие контакты И.А. Бунина и Г.Н. Кузнецовой: конфликт учителя и ученика (на материале дневниковых записей и писем)» (Международная научная конференция «Анализ и интерпретация текста в свете современных методологий», доклад (Восточно-

европейский национальный университет им. Л. Украинки, Луцк, Украина, 1-4 июля 2015 г.).

Основные результаты исследования представлены в девяти публикациях, четыре из которых – в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных Высшей Аттестационной Комиссией Российской Федерации. Общий объем опубликованных материалов – 5 п.л.

Структура работы определяется ее основной целью, задачами и анализируемым материалом. Диссертация состоит из Введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей 192 наименования, и Приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяется его методологическая база, указываются объект и предмет, формулируются цель и задачи работы, проясняется ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость, предъявлены положения, выносимые на защиту.

Первая глава, «Литературный дневник как предмет литературоведческого исследования», дает представление об истории мемуарной прозы в России.

В параграфе 1.1, «Дневник как автодокументальный жанр», очерчена история изучения дневников, обосновывается, почему дневник занимает среди эго-документов особое место — ведь долгое время дневник воспринимался всего-навсего как нечто, занимающее срединное положение между искусством и жизнью. Возможно, потому, что он не вписывался ни в какие каноны, был свободным жанром и писался для себя, для души. По крайней мере, он не предназначался для широкой публики, хотя могло предполагаться, что его будут читать друзья или родственники. Но с конца XIX века дневники стали рассматриваться как форма автобиографической культуры, о чем свидетельствует огромный успех дневника М.К. Башкирцевой. Уже устоявшимся литературным фактом дневник счел в статье

«Литературный факт» Ю.Н. Тынянов[8]. Удачной формулировкой можно считать слова Е.М. Криволаповой, утверждающей, что «к началу XX века сложились условия, которые позволяли факту “вырваться на оперативный простор”, появилась, по выражению Ю. Тынянова, та “щель”, через которую бытовой документ, в данном случае дневник, мог стать “литературным фактом”»[9].

В параграфе **1.2, «Жанровое содержание дневника и понятие стиля дневника»,** анализируются основные признаки дневника и отличие его от мемуаров, свойственные дневнику метод, стиль, хронотоп, типология, система образов, жанровое содержание, такие специфические черты дневника, как лаконичность, фрагментарность, монологичность, камерность, документальность, хронологичность; в нем возможен синтез лирики и эпики.

Содержание и стиль дневника взаимосвязаны и зависят от того, какую цель преследовал автор дневника, от его возраста, пола и психологического статуса. Одной из самых характерных особенностей образа автора дневника является нераздельность двух функций автора: он одновременно является и субъектом, и объектом повествования, т. е. он и пишет «от себя», и описывает свои переживания.

Обычно дневник принято определять через сопоставление с родственными жанрами: автобиографией, мемуарами и письмами. Но он, несомненно, обладает спецификой, заключающейся в том, что дневниковый текст адресован преимущественно самому себе (автокоммуникация), он фрагментарен, и его фрагменты отделены друг от друга как подневные записи, а содержание ориентировано на «сиюминутность» и реальные события в жизни человека.

В этом отличие дневника и от мемуаров, где есть всегда значительная временная дистанция между событиями и временем создания текста, и от письма, которое имеет адресата.

В современной автодокументальной литературе наблюдается «смешение жанров», возникает проблема «промежуточных» жанров, о которой пишет Л.Я. Гинзбург. По поводу жанровой определенности дневников высказываются

---

[8] *Тынянов Ю.Н.* Литературный факт // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1997. С.255-277.

[9] *Криволапова Е.М.* Жанр дневника в наследии писателей круга В.В. Розанова на рубеже XIX−XX веков: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2013. С.18.

разные мнения: В.Д. Осоцкий выделяет «мемориальную литературу», «мемориальные жанры»; некоторые относят дневники (литературные и нелитературные) к «промежуточным» жанрам; другие (А.Г. Тартаковский) видят в дневниках и воспоминаниях структуру единого мемуарного жанра; Т.М. Колядич согласна с этим суждением, но для нее «дневниковая форма» – первична в ряду мемуарной литературы. Д. Кин, опираясь на японские автодокументальные тексты, отмечает отсутствие жестких критериев в разграничении дневников и мемуаров, игнорирование принципа синхронии/диахронии. Это дает ему возможность отнести дневники и мемуары к единому жанру, но он выделяет в качестве специфической особенности дневниковой формы – готовую композиционную структуру. Исследователь А. Понсонби на примере английских дневников доказывает, что для дневника важно обязательное соблюдение принципа синхронности (записи должны быть сделаны очевидцем по ходу развития событий). В.Н. Топоров считает, что необходимо сравнивать и сопоставлять автодокументы, созданные в разных странах и относящиеся к различным типам культур, дабы обнаружить ведущие закономерности. И ему кажется, что основным признаком, различающим дневники и мемуары, может стать «синхронность/диахронность». Французский ученый Ф. Лежен предлагает расширить сферу изучения автобиографии до дневников, записных книжек, эпистолярного наследия, начиная со знаменитых писателей, философов, общественных деятелей и заканчивая автобиографическими текстами, написанными обычными людьми. Немецкие ученые Л. Блум, М. Хейнрих-Корпис, М. Юргензен предлагают разграничивать литературное и подлинное в текстах, а также найти критерии, по которым можно было бы отличить «литературное» от «спонтанного».

Существуют литературные и внелитературные дневники. Как художественная форма литературного произведения в роман Лермонтова «Герой нашего времени» включен дневник Печорина. Дневник может быть периодическим изданием. Так, «Дневник писателя» Достоевского был задуман как «открытый

дневник», и ему присущи стилевое единство жанров очерка, фельетона, рассказа, повести, мемуарных записей.

Как отмечает Л. Луцевич, уже в Серебряном веке «дневниковый дискурс обрел удивительную способность сопрягать в некое целое разновременные, порой, может быть, ускользающие из-под власти культурной идентификации события и воспроизводить их динамику»[10]. Специфика дневникового текста как раз и заключается в сочетании моментов статических (уже зафиксированных) и динамических (постоянно добавляемых). Сам текст возникает в акте непосредственного порождения высказывания, то есть происходит «текстуализация» внутреннего состояния. Все эти явления накапливались, и к 30-м годам XX века, когда Кузнецова начала вести свой дневник, обрели отчетливую выразительность.

Для выявления жанровых особенностей того или иного дневника необходимо выяснять, насколько это возможно, мотивы создания дневника, пытаться определить, с какой целью автор берется вести дневник, рассчитывал ли он на обнародование своих записей, что может быть заявлено открыто самим автором, а может быть и завуалировано. Содержание и стиль дневника взаимосвязаны и зависят от возраста автора, его пола и психологического статуса.

Итак, можно сделать вывод, что дневник в целом воспринимается как «диффузный» жанр с контаминационной природой. И все же для дневника характерно первичное, эмпирическое восприятие действительности; создание текста «по горячим следам событий»; непосредственность, спонтанность, достоверность изложения.

Параграф 1.3, «Образ автора в дневнике», касается вопроса выражения авторского сознания в дневнике и презентации образа автора. Исследователи полагают, что главным в дневниковом тексте является авторское сознание, которое управляет всеми остальными компонентами дневника. Образ автора формирует вид дневника – экстравертный или интровертный. Исследователи выделяют четыре типа дневников по степени «участия» автора в тексте.

---

[10] *Lucewicz L.* Дневники Серебряного века // Studia Rossica XVII. Warszawa, 2006. С.242.

Образ автора может быть не выражен ярко, уступая место в повествовании изображаемым событиям. Такой образ предложено называть **элиминированным**[11]. **Условно-объективный образ** возникает тогда, когда автор не исключен из течения событий и изображен вместе с остальными фигурами и воссоздаваемыми жизненными фактами. Автор нацелен на объективную оценку, так же, как и другие участники действия. В случае, когда все события контролируются автором дневника, который берет на себя роль их «регулировщика» (но этот контроль мнимый), возникает **умеренно-субъективный образ.** И наконец **господствующий образ** автора складывается автономно, без соотнесенности с непосредственным событийным рядом. Данная классификация, на первый взгляд, помогает установить четкое деление дневников по признаку присутствия автора. Но такое разграничение не всегда возможно произвести. Гораздо чаще существуют «смешанные» формы, что мы и наблюдаем в дневнике Кузнецовой, где есть и условно-объективный, и умеренно-объективный автор. Т. е. ставя поначалу задачу сосредоточиться на портрете Бунина на фоне жизни русской эмиграции, Кузнецова постепенно все более интенсивно подключает субъективные переживания, которые серьезно корректируют намеченную цель.

Практически в любом дневнике полноценно выражается языковая личность автора. Некоторые литературоведы на этом основании пытаются обнаружить разницу между художественным и нехудожественным дневником. Так, приводя в пример дневники Т. Манна, пишут, что его художественные дневники отличаются богатством языковых средств, а личный дневник, написанный исключительно для себя, демонстрирует сухость и лаконичность. Но это еще не свидетельство, на наш взгляд, присутствия или отсутствия «художественности». «Сухость» и «лаконизм» могут быть приметой авторского стиля.

Как отмечает О.Б. Боброва, «основой дневникового текста является авторское сознание». Исследователь характеризует его как весьма непростое начало, которое организует «эмоционально-экспрессивную ткань дневникового повествования». В качестве примера О.Б. Боброва обращает внимание на дневник

[11] Далее дается классификация, предложенная О.Г. Егоровым.

К.И. Чуковского, в котором «субъективное авторское сознание» оказывается одновременно и «авторской точкой зрения» на ту историческую реальность, которую воссоздает автор в своих записях. Все, что можно встретить в дневнике (характеристики героев, комментарии к событиям, интонация, формирующая тональность дневника, так называемые «авторские лики», позиция), дает возможность трактовать фигуру автора с разных точек зрения, «признавая в нем в неразделенности и неслиянности эмпирико-бытовые и художественно-созидательные начала»[12].

В параграфе 1.4, «Женский дневник. Особенности дискурса», речь идет об особенностях женского дневника. Дневник для женщины прежде чаще всего выполнял исповедальную функцию. Его раньше начинали вести женщины хотя бы потому, что у них было больше свободного времени, они более эмоциональны, чем мужчины, и дневник служил им прекрасным психотерапевтическим средством. Поэтому исследователи установили параллели между женским творчеством и понятием автобиографического. Но по мере завоевания женщиной определенного достойного места в социуме, помимо психологической оформилась и творческая функция дневника. Последняя стала особенно важной для писательниц. Дневник становится и психологическим, и историческим, и литературным документом, в котором осуществляется рефлексия и самоидентификация автора. Это и произошло с дневником Кузнецовой. «Грасский дневник» вписывается в ряд автодокументальной прозы русского зарубежья. Но в то же время он выделяется из него иным, чем обычно. соотношением документального и художественного, «балансированием» на грани дневниковости и мемуарности.

Во **второй главе, «Жанровые особенности и проблема автора в "Грасском дневнике"»,** исследуется образ автора в «Грасском дневнике» и жанровые характеристики этого произведения.

В **параграфе 2.1, «История создания и феномен "Грасского дневника"»,** описывается история создания этого текста (на основе личной переписки

[12] *Боброва О.Б.* Образ автора как стилистическая категория жанра дневника (на материале дневника К.И. Чуковского 1901-1929 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 4. С.200.

Кузнецовой) и обстоятельства его первой публикации.

Публикацию своего дневника Кузнецова начинала с печати в журнале «Воздушные пути» (Нью-Йорк) в 1965 г. отрывка, озаглавленного «Грасс – Париж – Стокгольм», свидетельствующего о большой осторожности и тактичности автора. Центральной темой отрывка является вручение Бунину Нобелевской премии; подробно рассказано о реакции обитателей виллы на известие о присуждении премии, об их путешествии в Швецию. На авансцене оказывался только Бунин, его переживания, впечатления и т.д. Советский читатель познакомился с отрывками из «Грасского дневника» в бунинском томе «Литературного наследства» (1973) и журнале «Знамя»[13]. Первая полная публикация текста «Грасского дневника», дополненная поэтическими строками и несколькими рассказами, состоялась в России в 1995 г. (с предисловием и комментариями А.К. Бабореко[14]). В 2006 г. отрывки из «Грасского дневника» с предисловием того же литературоведа были перепечатаны в издании, подготовленном О.Н. Михайловым («Бунин и Кузнецова. Искусство невозможного: Дневники, письма»)[15]. Полное же научное издание «Грасского дневника» по инициативе О.Р. Демидовой, написавшей предисловие и сопроводившей издание подробными комментариями, появилось только в 2009 г. В приложении были напечатаны ранее не опубликованные дневниковые записи за 1940 и 1941 гг.

Дневник Кузнецовой с большим основанием можно отнести к мемуарному жанру, несмотря на то что в названии присутствует слово «дневник», поскольку в этом произведении нет главного признака жанра дневника – «ориентации на восприятие событий, записанных непосредственно в момент их совершения»[16]. Так, дневник иногда перебивается вставками-комментариями более позднего времени: «Вижу по этому дневнику, как была беспомощна в выражении своих чувств, как

---

[13] *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник // Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. М., 1973. С.251–299; *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник / Вступл. и публ. А.К. Бабореко // Знамя. 1990. № 4. С.168-206.

[14] *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995.

[15] *Бунин и Кузнецова*. Искусство невозможного: дневники, письма / Предисл. к разд. и сост. О.Н. Михайлова. М., 2006.

[16] *Громова А.В.* Художественно-документальные жанры в литературе русского зарубежья первой волны. М., 2011. С.60.

наивны, детски требовательны были эти чувства. Приходится многое выпускать, потому что это ничего не выражает, ничего не рисует»[17].

В «Грасском дневнике» есть главный герой —Бунин. Подробно описываются его взгляды и мысли, его окружение. Кузнецова фиксирует высказывания Бунина, а также других обитателей и гостей виллы, записывает разговоры, ведущиеся в эмигрантских гостиных. Например, в дневнике приводится много высказываний Гиппиус, Дон-Аминадо, Мережковского, Тэффи, И.И. Фондаминского и др., рассказывается о судьбах знакомых, воссозданы портреты русских людей, оказавшихся в эмиграции. Кузнецова исследует проявления характеров людей в различных обстоятельствах, пытается воспроизвести их переживания, проникнуть в их внутренний мир.

В **параграфе 2.2, «Автор и герой в «Грасском дневнике»: Г.Н. Кузнецова и И.А. Бунин»,** рассмотрено соотношение образов автора и героя. Особенностью «Грасского дневника» является то, что его текст, по словам О.Р. Демидовой, остается «пространством» умолчания[18]. Это подтверждает повесть Кузнецовой «Художник», которая не была опубликована при жизни автора. В ней описывается все то, что опущено в дневнике, в котором негативные черты образа Бунина вынесены за скобки. В «Грасском дневнике» создание образа Бунина в большей мере ориентировано на сооружение ему как гению русской словесности памятника. Мы высказываем предположение, что повесть «Художник» была составлена из дневниковых записей, которые Кузнецова вырезала из текста «Грасского дневника». Поэтому повесть «Художник» рассматривается как дополнение и как «оппонирование» «Грасскому дневнику». Таким образом, воссоздается контекст, помогающий восстановить всю ту гамму чувств, которые испытывал автор дневника и художественного произведения во время пребывания в Грассе.

Творческие контакты Бунина и Кузнецовой в Грассе не были поддержаны в полной мере контактами человеческими. И это Бунин и Кузнецова до поры до времени пытались от самих себя скрывать. Бунин дольше находился в заблуждении,

---

[17] *Кузнецова Г.Н.* Грасский дневник / Сост., вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. СПб, 2009. С.59.
[18] *Демидова О.Р.* Дневник как пространство умолчания // Кузнецова Г. Грасский дневник; сост., вступ. ст., коммент. О.Р. Демидовой. СПб., 2009. С.3-24.

он хотел видеть развитие отношений с Кузнецовой в идеальном свете, думал, что Кузнецова для него не только молодая возлюбленная, но и начинающая писательница, которая стремится войти в писательский круг и мечтает только о совершенствовании своего таланта. Но Кузнецова, по-видимому, со временем совсем иначе стала представлять себе свое будущее, поэтому уже между строк в «Грасском дневнике» начинает проглядывать неприятие существующего положения вещей, желание вырваться из-под бунинской опеки. Несмотря на то, что Кузнецова тщательно правила текст дневника перед публикацией, убирала слишком личные подробности, все равно в нем ощущается приближение будущего конфликта. Главная причина этого конфликта — разное жизненное целеполагание, подкрепленное разницей в возрасте, которая ощущалась Буниным, всегда остро реагировавшим на приближение признаков старости, угасания чувств, дыхания смерти. Жизнерадостность и легкомыслие Кузнецовой (всячески приветствуемое В.Н. Буниной) одновременно и привлекало, и отталкивало писателя, что нередко выливалось в дискуссии по поводу прочитанного или даже прямое несогласие с тем, что выходило из-под пера ученицы[19]. Под этим углом зрения подробно описывается спор из-за очерка Кузнецовой «Мария Башкирцева» (обнаружен на страницах газеты «Последние новости» и дан в Приложении к диссертации). Очерк интересен как попытка Кузнецовой воспротивиться мнению Бунина о надменности Башкирцевой: в суждениях Бунина о Башкирцевой Кузнецова чувствовала упрек себе, пытавшейся, хоть и робко, но отстоять собственную независимость. Явное желание Бунина принизить привлекательность Башкирцевой тоже не могло не задевать Кузнецову, т. к. в этом она могла видеть стремление отвлечь ее внимание от ее собственной наружности. И наконец, в указании Бунина на неподобающий тон в письмах Башкирцевой к Мопассану она могла прочитать требование относиться к Бунину с особым почтением, «не задираться», не проявлять «самомнения». Можно предположить, что замечания Бунина о Башкирцевой Кузнецова принимала на свой счет, и они послужили своеобразным катализатором

[19] Подробнее см.: *Михайлова М.В.* Творческие взаимоотношения Ивана Бунина и Галины Кузнецовой как конфликт молодости и старости // Wielkie tematy kultury w literaturach slowianskich. Starosc. Серия Slavica Wratislaviensia. Wroclaw: Wydawnictwa Uniwersytetu Wroclawskiego, 2016. Т.12. С.129-137.

при созревании замысла статьи. И если она не могла сопротивляться давлению Бунина в реальной жизни, то пробовала это делать хотя бы в литературе.

Несмотря на невысокую популярность «Грасского дневника» Кузнецовой у филологов, внимание которых он привлекает в качестве книги, содержащей сведения о Бунине, это книга и о творчестве вообще, о творческом самоопределении молодого автора, находящегося рядом с мэтром, о важности преподаваемых «уроков мастерства», о сложностях взаимодействия двух творческих «величин». Благодаря прямым высказываниям автора о себе, через оценку явлений окружающей действительности, через оценку прочитанных книг и т. п. перед нами раскрывается облик автора. Это дает возможность рассматривать дневник в новом ракурсе – как способ саморепрезентации, и фокус внимания исследователя может быть сосредоточен на авторе, который сам является, например, писателем или, как в данном случае, писательницей, что будет усиливать гендерную артикуляцию текста. На этот аспект «Грасского дневника» обратила внимание О.Р. Демидова, благодаря публикаторской и комментаторской работе которой, как заметил А.В. Леденев[20], историки литературы получили возможность судить о Кузнецовой не только как о добросовестном летописце жизни Бунина в эмиграции, но и как о самостоятельной творческой личности. Демидова указала, в первую очередь, на то, что в результате чтения дневника «складывается не только представление о жизни на “Бельведере”, но и ощущение самого хода, течения, ткани этой жизни»[21], т. е. увидела «пространственно-временной» ресурс написанного. Она также подчеркнула, что дневник, создававшийся в то же самое время, что и интереснейшие произведения самой Кузнецовой – ее проза и стихи, – несомненно, несет на себе отпечаток ее литературного таланта. И надо уметь видеть в нем самостоятельные литературные достоинства.

В **третьей главе, «Документальное и художественное в «Грасском дневнике» и художественных текстах писательницы»,** речь идет о соотношении

[20] *Леденев А В.* Стилевая партитура чувств: «бунинские уроки» в прозе Г. Кузнецовой // Русистика: Сб. науч. тр. Вып.8. Киев, 2008. С.68-72.
[21] *Демидова О.Р.* Дневник как пространство умолчания // Кузнецова Г.Н. Грасский дневник / Сост., вступ. ст., комм. О.Р. Демидовой. СПб., 2009. С.6.

документального и художественного в творчестве Кузнецовой.

В **параграфе 3.1, «Круг чтения Г.Н. Кузнецовой»,** проанализированы книги и авторы, которые составляли круг чтения писательницы, для которой окружающий мир и книжный мир были равноценными: импульсы, идущие от книг, и наблюдаемое вовне одинаково важно.

Особенно многое объясняет то, что Кузнецова говорит о своей способности сопереживать: это свидетельствует о ее самочувствии в Грассе. Вообще возникновение той или иной книги в жизни Кузнецовой воспринимается ею почти мистически. Она пишет об «Испанских письмах» Ж. Лакретеля, вышедших в свет в 1926 г.: «Замечательно, как люди, мучимые какой-либо тайной болью, нападают на книги, в которых говорится как раз об их боли»[22].

Нами предложена классификация книг, показывающая, чем руководствовалась молодая писательница при их выборе. Круг чтения Кузнецовой мог формироваться по совету Бунина, выбор мог быть случайным, книги давали или советовали люди, бывавшие у Бунина, Кузнецова могла искать книги целенаправленно. Кузнецова часто доверяла собственному вкусу (иногда и вопреки рекомендациям Бунина), больше читала западных авторов, чем литературу диаспоры. Русская литература входила в круг чтения Кузнецовой потому, что она находилась в обществе русских писателей, которые нередко сами читали свои произведения, либо присылали их Бунину, и они прочитывались совместно с Кузнецовой и Верой Николаевной. Причем замечено, что книги, выбранные Кузнецовой для чтения по собственному почину, вызывают у нее больший отклик, рождают больше ассоциаций. Однако основной корпус читаемого составляли произведения Бунина, поскольку она перепечатывала их, отбирала произведения для сборников, вела переписку и разговоры с издателями по поводу их публикации.

В **параграфе 3.2, «Гости и обитатели Бельведера»,** проанализированы отношения между обитателями и гостями виллы «Бельведер» в том виде, в каком эти отношения запечатлены на страницах дневника. В появлении Кузнецовой в этом эмигрантском сообществе не было ничего удивительного, поскольку Бунин

[22] *Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник / Сост., вступ. ст., комм. О. Р. Демидовой. СПб, 2009. С. 94.

не выносил одиночества и ему хотелось иметь учеников. Поэтому вскоре образовался постоянных кружок молодых писателей: Л. Ф. Зуров, Н. Я. Рощин, Я. М. Цвибак. Тем не менее, отношения с Кузнецовой развивались иначе. И вскоре ее пребывание в семье Буниных стало травматичным, ибо ей пришлось выступать в качестве и ученицы великого мэтра, и его секретаря, и подруги жены писателя (даже в чем-то ее наперсницы), приходилось быть в какой-то степени хозяйкой дома, принимающей множество гостей и коллег хозяина «Бельведера», а одновременно пытаться и самой заявить о себе как полноценном литераторе. Все эти «роли» довольно плохо корреспондировали друг с другом, что во многом обусловило особенности женского образа, поставленного в центр ее прозаических произведений, и выявляет драматическую ситуацию, скрываемую за отстраненно-объективными строками дневника. Очень варьировалось отношение к Кузнецовой со стороны приезжавших к Бунину гостей: неприятие и почти презрение З.Н. Гиппиус дополнялось холодностью Д.С. Мережковского, но компенсировалось дружеской поддержкой И.И. Фондаминского и сочувствием Л.Ф. Зурова.

Порой кажется, что рукой писательницы водило не только естественное желание запечатлеть все, что дает пищу уму или будит воображение: наблюдения за жизнью Бунина, литературные и политические споры, собственные мысли, настроения, – но и подспудное чувство вины за невольное вмешательство в чужую семью, страх, что окружающие будут осуждать её, неправильно истолкуют мотивы ее поведения. Поэтому так разнятся в «Грасском дневнике» портреты гостей, запечатлеваемых чутким пером автора. Многие из них «включены» в философские размышления о жизни и смерти, об одиночестве на чужбине, о роли случайности в судьбе художника.

Естественно, в центре внимания в «Грасском дневнике» портрет самого Бунина и его жены. Кузнецова пытается воссоздать динамику и изменчивость характера Бунина, постоянно реагирует на поведение Веры Николаевны.

Духовное общение обитателей Бельведера осталось в памяти Кузнецовой, проникло в ее позднюю прозу, в которой она вновь обращается к годам молодости

и отдает дань уважения тем, кто сформировал ее как личность (достаточно указать на ее очерк-эссе «Друзья»).

Параграф 3.3. «Рассказы Г.Н. Кузнецовой: вечные темы и «дневниковые» отзвуки» посвящен анализу «воспроизведения» тем и мотивов дневника в художественном творчестве Кузнецовой.

Проза Кузнецовой не становилась предметом пристального изучения в филологической науке, за исключением немногочисленных рецензий в зарубежной периодике, и отклика на выпущенную издательством «Міръ» книгу ее прозы[23]. А.В. Леденев назвал рассказы Кузнецовой «стилевой партитурой» ее взаимоотношений с Буниным. Кузнецова покинет Бунина в 1933 году, после вручения ему Нобелевской премии, а потом ненадолго вернется в грасский дом со своей подругой М. Степун. В сборнике «Оливковый сад», который поможет в 1938 году издать ей Бунин, прослеживается параллель с «Грасским дневником». В дневнике Кузнецовой много описаний различных состояний природы, особое внимание уделено саду, окружавшему виллу Монфлери, что находилась по соседству с виллой «Бельведер». Это заметил и А.В. Леденев, указавший, что дневник содержит описание пустынных садов, доносящейся с танцплощадки «грустно волнующей» музыки. Но он подчеркнул, что перипетии затянувшейся любовной драмы выражены главным образом в прозе Кузнецовой, написанной во время жизни с Буниным (сборник рассказов «Утро», роман «Пролог»)[24]. Как отметила М.В. Михайлова[25], писательница сознательно моделирует образ героини своих произведений, доминантой которого становится слабость, беззащитная женственность, гонимость, что, очевидно, должно было вызывать сочувствие и сострадание окружающих, но разительно отличалось от подлинных психологических черт самой Кузнецовой.

«Грасский дневник» − не только отражение жизни на вилле «Бельведер», не

---

[23] *Кузнецова Г.* Пролог. СПб., 2007; Леденев А.В. Стилевая партитура чувств: «бунинские уроки» в прозе Г.Кузнецовой. Киев: [б. и.], 2008. (Русистика : сб. науч. тр. Вып. 8).

[24] *Леденев А.В*. Оливковый сад и уксусный куст: проза Г. Кузнецовой // «Адам и Ева». Альманах гендерной истории. 2008. № 15. С. 327-339.

[25] Подробнее см.: *Михайлова М.В.* 2015 Апелляция к "женственности" как способ выживания // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2-5 июля 2015 г., М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. С.457.

только описание круга чтения и интересных поездок и встреч, но это и краткая история создания произведений самого автора дневника, его авторефлексии, реакции на суждения окружающих. Кузнецова записывает, при каких обстоятельствах создавались ее произведения, где и кем были опубликованы, какими критиками отмечены, а самое главное − размышляет над процессом творчества, над чувствами писателя, точно фиксирует, как воспринимает Бунин написанное им, она пытается ориентироваться на него и других великих и ощущает свою беспомощность и бессилие.

Анализ «Грасского дневника» и художественных произведений Кузнецовой показал, что личность и творческие уроки Бунина оказались Кузнецовой востребованы. У него она училась умению писать дневник, эстетически отражать в нем повседневность, делать пейзажные зарисовки, наблюдать за психологией людей, читать нужные книги, что потом естественно воздействует и на ее художественные произведения. Советы Бунина копились в сознании автора «Грасского дневника» и смогли реализоваться в ее художественной прозе.

Анализ описания событий и посетителей виллы «Бельведер» в дневнике и прозе позволил выявить соотношение документального и художественного, объективного и субъективного в наследии писательницы. То, что она стремится скрыть в дневнике (личное мнение о Бунине и его домашних, свои чувства к Бунину), Кузнецова выражает в художественных образах своих рассказов, очерков, повестей, что подсказало вывод о художественной природе дневниковой прозы и о документальной основе художественных произведений.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования. В частности, отмечается, что дневник для Кузнецовой становится попыткой поиска или создания своего «Я», способом самоопределения и становления личности, формой самоидентификации творческого человека. Каждое событие, отраженное в дневнике, оказывается значимым для формирования авторского «Я». Можно сказать, что в Грассе Кузнецова появилась юной неопытной женщиной, позволившей себе первые пробы пера, не отдающей себе отчет в своем призвании и жизненных предпочтениях, а покинула его сформировавшимся писателем,

сознательно отринувшим профессиональное писательское поприще («всплески» интереса к художественному творчеству в дальнейшем возникали лишь спорадически; основным ее занятием стала журналистика и переводческая деятельность). И если воспользоваться словами Н.А. Прозоровой, сказанными ею о дневниках О.Ф. Берггольц, то действительно «дневниковое пространство использовалось» Кузнецовой как «”площадка” *индивидуализации*»[26].

В ряду других мемуаров и дневников писателей-эмигрантов «Грасский дневник» Кузнецовой выделяется своим стремлением к соединению формы художественного произведения с элементами документальности. Причем можно утверждать, что дневник послужил источником рефлексии и, помимо знакомства с замыслом бунинской «Жизни Арсеньева», подтолкнул писательницу к работе над автобиографическим романом «Пролог», в котором ощутимы ноты исповедальности, прорывающиеся и в дневнике (хотя в дневнике Кузнецова сознательно «игнорирует» сложные переживания, которые сопутствовали ее жизни в Грассе на протяжении длительного времени). И все же заметно, как в ее дневнике все более интенсивно проявляется *эстетически нагруженное слово* (термин О.Г. Егорова), что свидетельствует об укреплении писательского мастерства автора. На наш взгляд, соотношение в «Грасском дневнике» документальности и художественности определяется тем, насколько тщательно из дневника убраны все подробности близких взаимоотношений Кузнецовой с Буниным и насколько явственно они отразились в различных вариантах сюжетов ее художественных произведений. Анализ «Грасского дневника» показал, что Кузнецова творчески подошла к его оформлению. Она выстроила своеобразную композицию, где центральным образом является Бунин, вокруг которого располагаются образы его современников, гостей Бельведерской виллы. При этом себя как автора Кузнецова вывела за скобки, присутствуя в тексте косвенно, в большей степени в роли внимательного летописца, наблюдателя, чьи подлинные переживания выявляются только при тщательной деконструкции текста. Поэтому можно сказать, что в

[26] *Прозорова Н.А.* Документально-мемуарная проза О.Ф. Берггольц: парадигмы становления творческой личности (1920-е гг.): автореф. дисс. … канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2013. С.9.

жанровом отношении «Грасский дневник» представляет собой переход от собственно дневника к документальной художественной прозе, в которой вес «художественности» весьма ощутим.

Главным выводом настоящей работы является утверждение, что творчество Кузнецовой требует отдельного рассмотрения вне связи с биографией и наследием Бунина. Конечно, разговор о влиянии Бунина на стиль и художественную манеру Кузнецовой неизбежен, но он не должен быть самодовлеющим.

Завершается диссертация **библиографией**, включающей работы на русском и английском языках.

В **Приложении** дан очерк Г.Н. Кузнецовой «Мария Башкирцева», обнаруженный при изучении парижской газеты «Последние новости».

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК РФ:

1. *Ван Инь*. Трактовка любви и смерти в рассказах Г. Кузнецовой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т.68. Тамбов: Изд-во Грамота, 2017. № 2. С.14-17.

2. *Ван Инь*. Вечные темы в «Грасском дневнике» Галины Кузнецовой (любовь, смерть, болезнь) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т.70. Тамбов: Изд-во Грамота, 2017. № 4. С.18-21.

3. *Ван Инь, Михайлова М.В.*, «Круг чтения» Галины Кузнецовой как импульс к творческому самоопределению // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. Т.2. М., Изд-во Научные технологии, 2017. № 7. С.101-105.

4. *Ван Инь*. Авторское сознание и адресат в «Грасском дневнике» Галины Кузнецовой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т.12. Тамбов: Изд-во Грамота, 2017.

Другие публикации:

5. *Михайлова М.В., Ван Инь*. Творческие контакты И.А. Бунина и Г.Н. Кузнецовой: конфликт учителя и ученика (на материале дневниковых записей и писем) // Восточнославянская филология. Серия «Литературоведение». Т. 1. Горловка: Изд-во ГИИЯ, 2015. С.174-181.

6. *Михайлова М.В., Ван Инь*. «Форматирование» реальных фактов в автобиографических текстах (образ И.А. Бунина в повести Г.Н. Кузнецовой «Художник») // Науковий вісник Східноэвропейського національного університету імені Лесі Украінки. 2015. № 8. С.84-89.

7. *Ван Инь*. Образ И.А. Бунина на страницах «Грасского дневника» Г.Н. Кузнецовой // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015». / Отв. ред. А.И. Андреев, А. В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2015.

8. *Ван Инь*. И.А. Бунин в восприятии Галины Кузнецовой: «подтексты» «Грасского дневника» // Восточнославянская филология. Серия «Литературоведение». Сборник научных трудов. Т.3. Горловка: Изд-во ГИИЯ, 2015. С.78-80.

9. *Ван Инь*, *Михайлова М.В.* Что читали и о чем спорили на вилле Бельведер? (по страницам «Грасского дневника») // Stephanos, 2017. №3. http://stephanos.ru/izd/2017/2017-23-7.pdf

10. *Ван Инь, Михайлова М.В.* Книга как средоточие интеллектуальной жизни: литературные споры на вилле Бельведер (по страницам «Грасского дневника») // Бунинские Озёрки. Альманах. 2017. № 3. С.22-29.